

У 292
551

Проф. Н. Сумцовъ.

201-90
5700-1

на отъ

ЛИЧНЫЕ ОБЕРЕГИ

ОТЪ СГЛАЗА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1896.

Личные обереги отъ сглаза.

(*Servatoria*).

Содержание. Предисловие. Значение обереговъ въ народной жизни. Дѣление обереговъ. 1) Оплеваніе и слизываніе. 2) Веревка. 3) Камни и роги. 4) Соль. 5) Угольки. 6) Сѣть. 7) Обувь (лапоть и др.). 8) Колокольчики и бубенцы. 9) Подкова. 10) Цвѣтныя повязки. 11) Дѣтская сорочка. 12) Зубы волчья (и др.). 13) Деревья и травы. 14) Филактерии и наузы. 15) Сложные обереги. 16) Символические знаки. Передача сглаза. Заключеніе.

Вѣрованіе въ сглазъ—общечеловѣческое, на извѣстной вообще очень широкой ступени культурнаго развитія или, точнѣе, безкультурнаго варварства. Куда не проникало этнографическое изученіе—оно вездѣ встрѣчало повѣрья въ сглазъ; и въ настоящее время было бы неразрѣшимой загадкой, если бы на земномъ шарѣ отыскался народъ безъ повѣрій о сглазѣ; такого случая и допустить нельзя, такъ какъ онъ сталъ бы въ рѣзкое противорѣчие со всѣмъ строемъ элементарной народной психологіи.

Въ настоящее время возможно, не останавливаясь на основномъ фактѣ повѣрья въ сглазъ, какъ явленіи общеизвѣстномъ и обычномъ для всѣхъ народовъ на извѣстной ступени культуры, остановиться подробнѣе на характерныхъ деталяхъ этого бытоваго явленія, напр., на вопросахъ, что считается наиболѣе опаснымъ относительно сглаза, въ чемъ состоить природа явленія, другими словами, какъ объясняется происхожденіе вреда отъ сглаза, въ чемъ проявляется сила сглаза, какіе существуютъ отъ него обереги, или предохранительныя мѣры. Только съ изученіемъ такихъ деталей раскроется вся полнота и разносторонность повѣрій о сглазѣ и опредѣляются всѣ связанныя съ нимъ психологическія черты, какъ общечеловѣческія, такъ и мѣстныя народныя. Роль мѣстно-народныхъ элементовъ въ этомъ циклѣ повѣрій, несомнѣнно, весьма ограниченная и незначительная. То, что легко можетъ показаться національнымъ въ области повѣрій о сглазѣ, при широкомъ сравнительно этнографическомъ изученіи, получаетъ космополитическое значеніе, какъ будетъ далѣе видно изъ настоящей нашей статьи.

Мы не задаемся широкой цѣлью изученія повѣрій о сглазѣ "во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Факты, подлежащіе изученію,

такъ обильны и, главное, такъ разбросаны, что собирание въ группы и научное разъяснение ихъ можетъ быть выполнено лишь постепенно усилиями многихъ дѣятелей на почвѣ сравнительной этнографіи и исторіи культуры. Въ статьѣ сдѣланъ подборъ личныхъ обереговъ, сравнительно наиболѣе простыхъ. Интересно прослѣдить по фольклорнымъ даннымъ, какъ мысль человѣка, не дороcшаго до скептицизма и научнаго міровоззрѣнія, подавленнаго разными накопленными въ теченіе вѣковъ фантастическими страшилищами, ищетъ спасительного исхода въ оберегахъ, интересно тѣмъ болѣе что обереги всегда имѣли огромное значеніе въ жизни народа, такъ какъ на нихъ возлагались большія надежды; они успокаивали сердце, взволнованное чувствомъ страха, сдерживали настроенное на мистической ладѣ воображеніе и охраняли самое близкое и дорогое: у матери ея ребенка, у хозяина жилище и домашній скотъ, у пасѣчника пчелъ...

Обереги весьма многочисленны и разнообразны, какъ обрывки разныхъ эпохъ и разныхъ древнихъ міровоззрѣній. Въ частности обереги отъ сглаза трудно отдѣлить отъ обереговъ отъ колдовства и болѣзней; затѣмъ, во многихъ случаяхъ обереги совпадаютъ съ талисманами. Въ общемъ все обереги можно раздѣлить на три разряда: 1) вещественные, или предметные, 2) символические и 3) словесные, или заговоры. Въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на первыхъ двухъ разрядахъ, оставляя заговоры въ сторонѣ. Для послѣдней заговорной стороны нами уже былъ ранѣе намѣченъ матеріалъ въ библіографическомъ указателѣ заговоровъ въ 4 и 5 томахъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологического Общества. Заговоры о сглазѣ отдѣлены и не введены въ настоящую статью, потому что специальное изученіе ихъ представляется болѣе удобнымъ и обѣщаетъ сравнительно большіе выводы въ связи съ заговорами вообще. Тогда опредѣляются общія мѣста и основные ихъ элементы. Предметные и символические обереги изрѣдка стоятъ рядомъ съ заговорами, еще рѣже упоминаются въ самомъ текстѣ заговоровъ; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ они занимаютъ совершенно самостоятельное мѣсто, примыкая не къ словесной литературѣ, а къ разнымъ древнѣйшимъ формамъ народнаго быта.

Какъ отдѣлить талисманы отъ обереговъ? Точное раздѣленіе провести трудно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда талисманъ разсматривается не только, какъ предметъ, приносящий счастье, но и какъ охрана отъ несчастья. Мы къ талисманамъ относимъ такие предметы, которые не могутъ быть въ широкой степени утилизированы; такъ, талисманами въ народномъ быту служатъ печь, аистъ, ужъ, огонь, ласточка; значеніе ихъ ограничено предѣлами одного дома или одной семьи, и они не могутъ имѣть значеніе оберега для каждой особы. (О талисманахъ см. мою книгу: „Культ. переживанія“ №№ 29—37, 191).

Сообщенія объ амулетахъ, талисманахъ, вообще оберегахъ разбросаны во многихъ сочиненіяхъ. До 200 сочиненій такого рода указано въ 8 № „Melusine“ 1895 г.; но мы не воспользовались этимъ указателемъ, такъ какъ указанныхъ въ немъ книгъ— вообще рѣдкихъ—совсѣмъ не оказалось въ мѣстныхъ библиотекахъ. И собственно нами собранный матеріалъ оказался достаточно обильнымъ. Чтобы не растеряться въ большомъ разнообразіи отдѣльныхъ обереговъ, мы на предстоящихъ страницахъ сдѣлаемъ попытку сгруппировать ихъ въ предметномъ порядкѣ, причемъ на первомъ мѣстѣ ставимъ такие предметы и дѣйствія, которые можно принять за древнѣйшія, по соотвѣтствію ихъ съ наиболѣе архаичными формами быта, и оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ современные религіозные предметные обереги, ладанки, записки съ молитвами и др. т. п.

1.

Слизыванье и оплеванье.

Исторія культуры раскрываетъ такую первобытную простоту и грубоcть, что нужно значительное усиленіе мысли, чтобы представить ихъ когда-либо возможными. Особенно трудно поддаются опредѣленію и уясненію такія простѣйшія явленія народной психики, которыя граничатъ съ животнымъ міромъ. Къ такому сумежью между человѣкомъ и животными относится, повидимому, странный оберегъ отъ болѣзней, колдовства, преимущественно отъ глаза, въ видѣ оплеванія и слизыванія. Высшія породы животныхъ, коровы и собаки, облизываютъ своихъ дѣтенышъ, и, можно думать, что первобытныя женщины также облизывали новорожденныхъ дѣтей или слизывали лицо младенцевъ. Первоначальное значеніе оплеванія и слизыванія врачебное, или антидемоническое, что въ древнее время совпадало. Древняя мать находила слизываніе необходимымъ, въ виду существованія облизыванія дѣтенышъ животными самками; она дѣлала это изъ животнаго инстинктивнаго чувства материнства. Облизываніе дѣтеныша замѣняетъ обмываніе; необходимость обмыванія, повидимому, сознается даже высшими породами животныхъ. Путемъ облизыванія устраниются вредные остатки послѣродовыхъ маточныхъ выдѣленій. Обиліе архаическихъ остатковъ облизыванія даетъ поводъ думать о всеобщемъ его распространеніи въ древности. Весьма характернымъ переживаніемъ представляется современный малорусскій обычай слизыванья, распространенный не только въ низшихъ, но и въ среднихъ классахъ народонаселенія, наравнѣ съ другими, не менѣе древними обычаями— потягиваніемъ носа у новорожденныхъ для роста и подрѣзываніемъ подъ языкомъ плевы (уздечки) будто для развитія рѣчи,

обычаями, не имѣющими рационального физиологического основания¹⁾. Въ Малороссіи слизываютъ дѣтей обыкновенно послѣ купанья такимъ образомъ: мать или бабка проводитъ своимъ языкомъ вдоль лица ребенка отъ подбородка ко лбу и навкrestъ по глазамъ и затѣмъ вытираетъ лицо ребенка пазухой своей рубахи, почему то непремѣнно пазухой—подробность мнѣ непонятная. При слизываніи иногда сплевываютъ и говорятъ молитву, чаще всего „Отче нашъ“. Любопытно, что весьма сходные обычай отмѣчены у сербовъ, поляковъ старого времени и у многихъ другихъ народовъ. Въ Сербіи, когда ребенокъ хвораетъ и, по мнѣнію родныхъ, изуроченъ, его лицо трутъ пазухой рубашки отца или матери (*Миличевичъ*, въ Гласникѣ XXXVII 148). Обычай слизыванія дѣтей отъ глаза распространенъ и въ Болгаріи (*Сборникъ* за народ. умовѣ. VIII, 156). Въ средневѣковыхъ польскихъ проповѣдяхъ находится указаніе, что боль головы приписывалась урокамъ и лѣчили слизываніемъ лба больного (*Wisla* III, 702). Материнскій обычай слизыванія съ ребятъ перенесенъ былъ на взрослыхъ при сглазѣ.

У кавказскихъ горскихъ евреевъ средствомъ лѣченія отъ сглаза служить, что сглазившій плюетъ или слизываетъ своею слюною лицо больного. Чтобы узнать, кто именно сглазилъ, дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена односельцевъ мужскаго и женскаго пола или тѣхъ, которыхъ видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ, не трескаясь, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ. Если шарикъ выскочить съ трескомъ при произнесеніи имени кого либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдѣ своей слюны или же прийти самому и слизать слюною лобъ больного, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Анисимовъ*, въ III вып. Сбори. Матер. по Этнogr. изд. при Дашков. муз. 303).

Въ „*Traité des superstitions*“ Тьера 1697 г. находится любопытное указаніе, что издавна „ceux, qui crachent une ou trois fois dans leur sein afin de n’être point charmés“ *Liedrecht, Des Gervasius Otia Imperialia* 221). Подобные обычай отмѣчены этнографами въ Германіи (*Melusine*, 1893, 86).

Италіанскій этнографъ Дорса говоритъ, что въ Калабріи женщина, входя въ комнату, гдѣ находится ребенокъ, говорить: „прочь колдовство, прочь сглазъ“ и плюетъ въ лицо ребенка три раза (*Trede Das Heidentum in der röm. Kirche*, II 236). Римскій сатирикъ Персій, современникъ Нерона, во второй своей сатирѣ сообщаетъ о такомъ же обычай: бабушка беретъ ребенка изъ колыбели и въ огражденіе отъ колдов-

1) О безполезности послѣднаго обычая см. въ брошюре доктора *Шервена Faut il souper le frein de la langue?* 1894 г.

ства или сглаза и среднимъ пальцемъ правой руки мажетъ своей слюной лобъ и губы ребенка (ib. 226). Въ 4 гл. 28 книги Естественной истории Плиния въ числѣ разныхъ врачебныхъ средствъ упоминается слюна, какъ средство отъ зараженія болѣзнью, отъ укушенія змѣи и отъ чародѣйства хромоногаго человѣка. Лишии и проказу лѣчили слюной, взятой угромъ до употребленія пищи. Плиний даетъ, между прочимъ, такой совѣтъ: если кто посмотритъ на спящаго ребенка, мамка должна три раза сплюнуть, хотя бы на ребенка былъ амулетъ отъ сглаза. О сплевываніи, какъ средствѣ противъ сглаза, говорятъ еще Феокрить въ Идил. 6,39 и Тибулль 1,5 (ib. 235,236).

2.

Веревка отъ повѣщенаго. Могильная земля.

Веревка отъ повѣщенаго и затѣмъ вообще куски веревки ¹⁾ въ значеніи талисмана и амулетовъ встрѣчалась въ Азіи у монголовъ (*Потанинъ* IV 784), въ средневѣковой Европѣ (*Liebrecht*, D. Gervasius Otia 239) и др.

Человѣческія жертвы въ той или другой формѣ существовали въ древности повсюду, какъ, повидимому, повсюду существовало людоѣдство. Въ Африкѣ и въ Австралии человѣческія жертвы приносятся еще въ настоящее время. У древнихъ мексиканцевъ при высокой культурѣ канибализмъ достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Людей откармливали, закалывали, сердце приносили въ жертву богамъ, народу бросали тѣло, которое немедленно варили и съѣдали. Приношеніе человѣческихъ жертвъ при похоронахъ умершаго существовало у грековъ временъ Гомера, у древнихъ германцевъ и славянъ. Культъ удерживалъ человѣческія жертвоприношенія долгѣ канибализма, и богамъ продолжали приносить въ жертву людей уже послѣ того, какъ человѣкъ почувствовалъ отвращеніе къ людоѣдству.

Среди различныхъ представлений, вызванныхъ канибализмомъ и человѣческими жертвоприношеніями, выдается то, что душа жертвы сливается съ душой божества. Въ силу такого представления, человѣкъ, предназначенный для жертвы, еще до смерти получалъ иногда имя того божества, въ которое онъ долженъ былъ вселиться, въ одѣждѣ божества участвовалъ въ торжественной процессіи и получалъ поклоненіе. Все, что было связано съ жертвой, въ особенности орудіе смерти, веревка, получало священное значеніе. Когда, при недостаткѣ илѣнниковъ, были убиваемы въ жертву богамъ свои преступники и воры, то понятія казни и жертвоприношенія до того сблизились, что народъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ

¹⁾ См. мою книгу „Культури. переживаліа“ § 114. Здѣсь собраны этнографические факты этого рода.

случаяхъ, отождествлялъ ихъ. Для казненаго устраивали своего рода пиръ, сохраняли на память его вещи и самой веревкѣ, на которой вѣшали преступника, приписывали потомъ сверхъестественное значеніе (Липерть, Ист. культ. 327).

Можетъ быть, по такому же мотиву возникло важное значеніе земли или грязи, какъ оберега, и если это такъ, то первоначально въ дѣло шла лишь земля изъ-подъ покойника и затѣмъ уже всякая земля. Талисманы изъ земли, въ особенности могильной, отмѣчены у многихъ народовъ въ № 10 „*Melusine*“ 1893 г. стр. 232 и потому мы не останавливаемся на нихъ.

3.

Роги—*cornicelli*. Камни.

Въ Италии издревле широкимъ распространеніемъ пользуется рогъ, чаще всего бычачій, въ значеніи оберега. Въ Неаполѣ лучшимъ средствомъ противъ сглаза—страшной въ глазахъ суевѣрныхъ италіанцевъ *jettatura*—считается прикрѣпленіе къ дому двухъ бычачихъ роговъ. Въ большомъ ходу *cornicelli*—маленькие рожки изъ коралла, слоновой кости и т. п. Дѣти носятъ *cornicelli* на шеѣ; взрослые женщины въ ушахъ (*Trede*, D. Heidenthum in d. röm. Kirche II 251). Даже пальцами изображаютъ рожки, чтобы избѣжать сглаза. На острѣ рога должны сломиться и обезсилить злой глазъ. Въ силу того же психологического мотива вмѣсто рога употребляютъ иногда, какъ оберегъ, иглу. Объ иглѣ, какъ амулетѣ, говорить еще Плиній. Извѣстно, что остатки жертвенныхъ животныхъ имѣютъ оберегательное противодемоническое значеніе, и *cornicelli*, должно быть, имѣютъ такое же происхожденіе.

Вмѣсто роговъ оберегами у многихъ народовъ служатъ простые камни. У лапландцевъ каменные стрѣлы служили оберегомъ отъ сглаза, въ родѣ *cornicelli*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и въ Финляндіи важнымъ оберегомъ считаются белемниты („громовые камни“, „чертовы пальцы“). Въ Англіи и во Франціи камни вѣшаютъ отъ сглаза надъ дверьми домовъ и хлѣвовъ, иногда на крышѣ дома. Цыгане прикрѣпляютъ камешки къ волосамъ дѣтей. Въ Китаѣ ставятъ камень у дверей дома, стоящаго на бойкомъ прохожемъ мѣстѣ. Въ Новой Гвинеѣ кладутъ камни на поля для урожая (*Melusine*, 1893, 211).

Нѣсколько другую, болѣе культурную окраску имѣютъ обереги изъ драгоцѣнныхъ камней. Они примыкаютъ уже къ лигатурамъ, о чёмъ ниже, и стоять въ связи съ древними ляпидаріями и азбуковниками. У персовъ отъ сглаза спасаетъ агатъ, у турокъ преимущественно квасцы и ониксъ,

у испанцевъ и грековъ гематитъ и т. д. Подробности см. въ *Melusine* 1893, стр. 212—214, 231.

4.

С о л ь.

Многіе народы живутъ безъ соли; одни изъ нихъ, напр., полинезійцы, макаютъ мясо въ морскую воду, которую держатъ наготовѣ въ орѣховой скорлупѣ; другіе пользуются приправой изъ острыхъ травъ или золой ихъ. Но гдѣ почва представляеть богатства соли, тамъ соль становится скоро необходимой приправой къ пищѣ, и племена стараются завладѣть такими мѣстами (Липерть, Ист. культ. 138). Соль уже въ глубокой древности, какъ приправа къ кушаньямъ, рано вошла въ жертвоприношенія и въ зависимости отъ послѣднаго получила священное мистическое значеніе. Кусочки соли, лежавшіе на жертвенномъ животномъ, стали оберегами. Пліній говоритъ, что у римлянъ ни „одно жертвоприношеніе не обходилось безъ соли“. Овидій въ Фастахъ замѣчаетъ, что блестящіе кусочки чистой соли (*lucida mica puri salis*) употреблялись при жертвоприношеніи. Въ римской церкви соль, какъ талисманъ, употребляется при крещеніи ребенка, и нынѣ въ Италии еще очень дорожатъ амулетами изъ кусковъ соли (*Trede* II 253). Соль въ значеніи амулета встрѣчается во всей западной Европѣ, въ Россіи, въ Египтѣ, въ Японіи. Солью обрызгиваются новорожденныхъ, молодыхъ, дойныхъ и тельныхъ коровъ; кусочки соли бросаются въ печь въ огонь отъ сглаза. Много обрядовъ этого рода указано въ „*Melusine*“ 1893 № 10 стр. 235—236. Въ Сенегамбіи вѣрованіе, что соль лучшій оберегъ, такъ велико, что для устраненія порчи считаютъ достаточнымъ сказать: „мы ъдимъ соль“.

5.

Огонь, угольки и зола.

Какъ извѣстно, огонь въ древности пользовался большимъ уваженіемъ и имѣлъ религіозное значеніе. Широко было распространено повѣрье въ очистительное и лѣчебное значеніе огня. Въ Россіи, когда портится молоко у коровъ, его кипятятъ и тогда колдунъ начинаетъ чувствовать боль и является въ домъ, гдѣ кипятятъ, молоко, съ какой-либо просьбой. Тожественное повѣрье записано въ Италии, въ Венеціи, въ приложениі къ людямъ: если бѣлье больнаго отъ сглаза положить въ котель, а котель поставить на огонь, то колдунъ явится въ домъ что-нибудь просить и, по удовлетвореніи его просьбы, сглазъ теряетъ свою силу (*Melusine*, 1893, стр. 108). Угольки, камешки, зола, какъ обереги, возникли въ тотъ пері-

одъ исторіи культуры, когда человѣкъ впервые ознакомился съ огнемъ и устроилъ себѣ очагъ. Такъ какъ устроительницей очага была женщина, то и лѣченіе, и гаданіе на угляхъ и золѣ первоначально въ эпоху материнства исходило отъ женщины, и до настоящаго времени лишь женщины сохраняютъ угольки и золу, какъ лѣчебное средство, или обереги отъ чародѣйства вообще и сглаза въ особенности. Въ старое время обрядовое употребленіе золы, сажи и угольевъ было гораздо болѣе обширное, чѣмъ нынѣ; въ золѣ пекли хлѣбы вообще и священные хлѣбы въ частности, жарили жертвенныхъ животныхъ; золу подбрасывали вверхъ, какъ жертву солнцу, причемъ первоначально, вѣроятно, лишь ту золу, въ которой изготавлялось жертвенное животное, а затѣмъ вообще, безъ связи съ животной жертвой. Потому въ народныхъ обрядныхъ играхъ иногда мажутъ лицо сажей, напр., въ западной Малороссіи на досвѣткахъ и въ Андреевъ день, въ Грузіи во время рождественскихъ каландъ, въ сѣверо-западной Монголіи при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Потому и теперь еще весьма распространено повѣрье о цѣлебномъ значеніи золы и ее пытъ съ водкой отъ разныхъ болѣзней.

Определеніе сглаза по уголькамъ и лѣченіе его угольками встрѣчаются въ Россіи чуть ли не повсемѣстно и затѣмъ бытуетъ у другихъ народовъ. Въ Казанской губерніи берутъ три камешка на мужескій, женскій и дѣвичій глазъ и бросаютъ поочередно въ чашку съ водой, приговаривая: „коли ты сглазилъ, зашиши. Камешекъ своимъ шипѣніемъ указываетъ, кто сглазилъ, мужчина, женщина или дѣвушка; затѣмъ эту воду даютъ пить больному и опрыскиваютъ его, читая молитву „Богородице Дѣво“ (*Аришновъ*, въ Сборн. свѣд. о крест. насел. Россіи I 29). Весьма близкіе обряды и повѣрья лужицкія, словенскія, польскія, нѣмецкія и италіанскія отмѣчены въ „*Melusine*“, (1893, 62).

У сербовъ при сглазѣ опускаютъ въ воду горящіе уголья и приговариваютъ: „отъ чернаго глаза, отъ голубого, урокъ надъ порогомъ, урочица подъ порогомъ, урокъ ничего не видитъ, урочица ничего не слышитъ“ (*Миличевичъ*, въ Гласникѣ XXXVII, 148).

Оставляя въ сторонѣ заговоръ, въ самомъ обрядномъ предварительномъ дѣйствіи и въ особенности въ бросаніи въ воду горячихъ камешковъ, нельзя не видѣть остатка первобытнаго способа жаренія и варки пищи, который съ теченіемъ времени получилъ священное таинственное значеніе, въ силу уваженія къ сѣйдѣ древности, съ переходомъ человѣка на высшія ступени материальной культуры. Древняя печь, встрѣчающаяся и теперь у дикихъ народовъ Африки и Америки, состояла изъ земляной ямы и раскаленныхъ камней, о чёмъ подробности см. въ „Исторіи культуры“ *Липерта* 53—59.

Грузины Кутаиса въ томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ испугался или ушиб-
ся при паденіи, стараются разыскать уголекъ и, нашедши, растираютъ въ
порошокъ и даютъ съ водой пострадавшему (*Машурко*, въ Сборн. матер.
по опис. Кавк. XVIII, 318). Въ древнее время уголекъ, должно быть, брался
съ очага или жертвенника. Тамъ же знахарки лѣчать дѣтей отъ сглаза
такимъ образомъ: обламываютъ уголекъ и, потерши о него палецъ, трутъ
затѣмъ этимъ пальцемъ ребенку лобъ, подбородокъ и щеки (ib. 312). Здѣсь
къ оберегу угольку присоединена манипуляція отъ другого оберега—сли-
зыванія.

У пермяковъ въ число обереговъ отъ сглаза входитъ печная сажа (Вѣст. Европы 1883 III, 262).

Въ связи съ первоначальнымъ культомъ огня мы ставимъ окуривание больныхъ отъ сглаза. Обряды окуривания см. въ *Melusine* 1893, стр. 115.

6

САБЛЯ.

Изъ народныхъ сказокъ о злыдняхъ ясно выступаетъ мысль, что злого демона можно посадить въ бутылку, завязать въ мѣшкѣ, забить въ дыркѣ дерева клиномъ. Древній человѣкъ сѣтью ловилъ рыбу, и сѣтью онъ хотѣлъ уловить демона, потому грозилъ ему сѣтью, и держалъ ее при себѣ, какъ оберегъ. Въ грузинскомъ заговорѣ отъ сглаза прямо говорится: „мы опутаемъ злыхъ ангеловъ тьмы пеньковыми сѣтями“ (Сбор. матер. по опис. Кавк. XVIII, 312). Оттого у грузинъ въ огражденіе родильницы и ребенка отъ злого духа протягиваются вокругъ ея кровати до самаго потолка рыбачьи сѣти (ib. 306). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи сѣть налагаются на родильницу и на свадьбахъ на невѣсту, или, невѣста скрывается отъ жениха за сѣтью—смѣщеніе оберега съ обычаемъ умыканія. Происхожденіе сѣти, какъ оберега, можетъ быть, относится къ временамъ свайныхъ построекъ, когда сѣть входила въ кругъ житейскаго и обрядового обихода.

7.

Обувь: лапти, Нехепантöffelein и пр.

Въ „Вѣстникѣ Рус. Геогр. Общества“ 1853 г. VII, 40 въ небольшой замѣткѣ свящ. Руженцева о народныхъ примѣтахъ въ Юхновскомъ уѣздѣ находится такое любопытное сообщеніе: „По многимъ домамъ моего прихода, едва ли не въ каждомъ, при входѣ въ домъ, глазы невольно встрѣчается съ старыми лаптями... На вопросъ мой, для чего висятъ у нихъ ста-

рые лапти? отвѣчали: „Виши ты, какъ взойдешь на дворъ, да видя такіе лапти уже и подумаешь о нихъ... Стало быть... съ первого раза глазъ и сломишь надъ лаптами, тогда уже не сглазишь во дворѣ ни скотины, ни въ избу пришедши сидяющихъ за работою бабъ, ни ягнятъ, ни телятъ... У одного огородника вокругъ огорода на каждомъ почти колу виситъ по старому лаптю... „Всякій, какъ прійдетъ, объяснилъ огородникъ, сперва глядить на лапти да дивится имъ, а на капусту не глядить и не дивится: а тобъ давно ея не было: либо червь съѣла ее, либо какая мошка навалилась, и качаньевъ то не было“.

Этотъ курьезный обычай не представляетъ однако ипісум. Вообще, можно думать, что въ фольклорѣ нѣтъ ничего исключительно своеобразнаго. Въ любопытной статьѣ проф. *Sartori* „Der Schuh im Volksglauben“ въ *Zeitschrift des Vereins zur Volkskunde* 1894 цѣлая глава отведена изложению повѣрій о вліяніи обуви на здоровье людей и животныхъ (II 148—150). Здѣсь собрано много любопытныхъ повѣрій этого рода; но группировка ихъ нѣсколько искусственная.

Ближе всего къ русскимъ лаптямъ-оберегамъ подходитъ обычай бедуиновъ вѣшать на верблюдовъ отъ сглаза всякие остатки старой обуви и одежды, находимые на пути. Сибирскіе гольды носятъ на шеѣ маленькие бумажные башмаки. Въ Швабіи отъ колдовства и болѣзней носятъ маленькая деревянныя „Hexenpantöflelein“ (*Sartori*, 149).

Оберегательное значеніе юхновскаго лаптя въ древней Греціи имѣла иногда маска, которую въ отстраненіе сглаза прикрѣпляли къ наружнымъ дверямъ дома (*Trede*, I 251).

Всѣ эти обереги примыкаютъ, очевидно, къ оберегамъ изъ роговъ, иглъ, камней и т. п., но проникновеніе въ число обереговъ обуви и маски могло совершиться уже при нѣкоторомъ осложненіи первобытной цивилизациі.

8.

Бубенчики и колокольчики.

Обычай навѣшивать колокольчики на экипажныя дуги, особенно лѣбумый въ Россіи въ старое время, при разѣздахъ на почтовыхъ, валдайскіе колокольцы съ малиновымъ звономъ, нынѣ лишь отчасти сохраняемые становыми приставами и земскими начальниками, выросли изъ простыхъ бубенчиковъ, и настоящее ихъ мѣсто не на дугѣ, а на лошадиной шеѣ. Бубенчики встрѣчаются нынѣ очень часто въ подвѣсѣ на уздечкахъ и, судя по археологическимъ курганнымъ раскопкамъ, были весьма распространены въ древнее время. Начало обычая восходить къ двумъ стадіямъ куль-

турного развитія--ко времени знакомства древняго человѣка съ металлами и, съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ, если только можно въ такихъ архаичныхъ сторонахъ быта говорить о хронологической точности, къ тому времени, когда началось прирученіе лошади; такъ можно думать на томъ основаніи, что бубенцы изстари привязывались къ шеѣ одной лишь лошади, и даже въ настоящее время очень странное впечатлѣніе производитъ корова съ бубенчикомъ на шеѣ. Для коровъ и быковъ существовали другія стукалки--деревянныя, можетъ быть еще болѣе древнія, чѣмъ бубенцы, о чѣмъ см. мои „Культурныя переживанія“ (замѣтка о „колоталѣ“). Въ исторіи распространенія лошади прежде всего является установленнымъ фактомъ, что она первоначально была неизвѣстна древнимъ египтянамъ, арабамъ и евреямъ. Она не входила въ культурный кругъ темной земледѣльческой расы Африки, ни смуглыхъnomадовъ юго-западной Азіи. Родиной лошади считаются пространство между областью верблюда и осла съ одной стороны и поясомъ оленя съ другой. Средне-азіатскіе кочевники, приучившіе лошадь, вѣроятно, впервые стали прибѣгать къ бубенцамъ, какъ амулетамъ; такой амулетъ могъ распространиться повсемѣстно вмѣстѣ съ распространеніемъ лошади. Мѣстами это благородное животное очень высоко цѣнилось. Во время Соломона лошадьми обмѣнивались только цари, что, впрочемъ, часто встрѣчалось и въ болѣе поздне евреемъ въ странахъ съ развитымъ коневодствомъ. По учению бра-миновъ, жертвенный животныя шли по своему достоинству въ слѣдующемъ порядке: лошадь, быкъ, коза, овца. Отсюда слѣдуетъ, что предки арійцевъ не только єли лошадиное мясо, но и очень высоко его цѣнили (Липертъ, Ист. культ. 94). Въ силу всего этого вполнѣ естественнымъ было стремленіе древняго человѣка, пользовавшагося лошадью, оградить это полезное животное отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей съ „дурнымъ глазомъ“, подходящимъ оберегомъ, а лучшаго оберега, какъ бубенчики, и нельзя было придумать. Звукъ и свѣтъ искони считались лучшими предохранительными средствами отъ чародѣйства. У римлянъ бубенчиками оберегали животныхъ отъ колдовства, и этотъ обычай удержался до настоящаго времени въ южной Италии: почти на всѣхъ рабочихъ лошадяхъ находятся амулеты, чаще всего бубенчики или колокольчики, иногда металлическіе роги, ручки или полумѣсяцъ у праваго уха животнаго. Колокольчики считаются, однако, лучшимъ оберегомъ лошадей отъ „mal'occhio“ (Trede, II 248).

9.

Подкова.

Подкова—домашній талисманъ; въ значеніи личнаго оберега встрѣчается рѣдко. Подкова, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ

домахъ мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ: прибиваются на порогъ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси издавна. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кельтами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшень и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клади въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свиныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больного. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастиами, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣду. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Помѣнистровъ втыкаютъ кобылью голову на колъ плетня въ огородѣ, чтобы „все родило“. Украинскіе знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая проростаетъ сквозь глазныя ямки конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (Афанасьевъ, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи русскими обычая прибивать на порогъ подкову говорить то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (Lippert, Christenthum, 461). Подкову въ Германіи и Швеціи прикрепляютъ къ порогу дверей, иногда кладутъ дѣтямъ подъ подушку отъ сглаза и вообще очарованія (Liebrecht, Des Gervasius Otia Imperialia 100). У персовъ отъ сглаза поять водой, въ которой положена подкова (Melsine, 1893).

10.

Цвѣтныя повязки.

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглаза и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычай встрѣчается во многихъ странахъ. Въ современной Греціи цвѣтныя повязки служатъ оберегами отъ сглаза (Zeitschrift d. Vereins fü r Volkskunde 1892, II, 139). Въ Шотландіи женщины въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Малороссіи красными лентами перевязываютъ животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (Мак-

симович Собр. соч. т. II, 499). Въ Индіи невѣстѣ привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтамъ къ кисти руки что нибудь красное и пріучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (Шериль въ „Фил. Зап. 1884 III 63).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается воазрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горячіе, красные, солнечнаго или огненнаго свойства, напримѣръ: горицвѣтъ, гориця, соняшникъ. Объ отцѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла“.

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносятся на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства.

Причина особенной любви народовъ къ красному цвѣту, должно быть, скрывается въ какихъ-либо недостаточно выясненныхъ психофизиологическихъ особенностяхъ древнихъ расъ, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сначала по крови наслѣдственно, а потомъ традиціонно, по привычкѣ и устойчивой обрядности.

11.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, причемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякий, имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по приобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же воззрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаются счастливыми дѣти, родившихся въ сорочкѣ, что объясняетъ французское выраженіе „être n e coiff “ (Плоссъ, въ Знаніи 1877, III, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (Авдіевъ, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ Харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со време-

немъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. Потебней въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской миѳологіи, говорить здѣсь Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (*fylgia*, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (*hamingia*—*felicitas*—счастье). Мѣстопребываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (*glückshaube*), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье“. Точно такое же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ „талismanъ“, высказано недавно (1887 г.) *Шеебелемъ* въ сочиненіи „*Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben*“.

12.

Волчы (свиные и др.) зубы и летучія мыши.

Въ Россіи волчій зубъ вѣшаютъ дѣтямъ на шею для зуборашенія. Въ Пруссіи съ той же цѣлью употребляютъ лисій зубъ (*Krause*, 84). Во Франціи дѣтямъ во время зуборашенія навязываютъ на шею ожерелье изъ волчьихъ зубовъ или дѣлаютъ башмаки изъ волчьей кожи, на что есть указаніе въ постановленіяхъ Монтекасинскаго собора 1626 г. Въ голубятняхъ вѣшаютъ голову или хвостъ волчій, чтобы не ходила ласочка (*fovines*) (*Rolland*, *Faune popul.*, I, 130). Въ Бельгіи въ окрестностяхъ Льежа во время желудочныхъ болей кладутъ на животъ кожу съ груди волчонка, а экскременты волка считаются лучшимъ средствомъ отъ коликъ (*Comhaire*, въ *Revue d. trad. popul.*, 1889, 363). Съ этими обычаями можно сравнить монгольскій обычай клясться зубомъ медвѣдя (*Потанинъ*, IV, 756).

Въ видѣ оберега отъ сглаза волчій зубъ встрѣчается у современныхъ грековъ (*Zeitschrift Vereins...* 1894 II 139). Въ Италии съ такой цѣлью употребляютъ куски волчьей кожи или свиные зубы (*Trede* II 253). У Плінія находится любопытное указаніе, что на дверяхъ прикрепляли черепъ волка; на этомъ черепѣ, какъ на юхновскомъ лаптѣ, долженъ былъ сломиться злой глазъ. Далѣе Пліній сообщаетъ, что вокругъ дома три раза обносили летучую мышь и прибивали гвоздемъ надъ окномъ, какъ оберегъ. И

нынѣ въ южной Италіи къ домамъ прикрепляютъ летучихъ мышей, совъ, черепа кабановъ, а въ Сициліи кладутъ ихъ по полямъ (*Trede* II 250). Во многихъ мѣстахъ западной Европы значеніе обереговъ имѣютъ косточки жабы (*Melusine* 1893, 86).

13.

Деревья. Травы. Вѣникъ.

Насколько деревья, по своей величинѣ, неудобны въ смыслѣ личнаго оберега, настолько удобны травы, и травы, дѣйствительно, играютъ у народовъ большую роль въ значеніи обереговъ. Онѣ входятъ во многія изъ упоминаемыхъ нами далѣе лигатуръ, наузы и филактерій. Нѣкоторые породы деревьевъ имѣютъ значеніе полевыхъ, садовыхъ и домашнихъ обереговъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи домашними талисманами служили растущіе вблизи ясень или вязъ; въ Италіи въ садахъ съ этой цѣлью садятъ лавръ (*Trede* II 250). Въ Германиі и въ Сербіи важнымъ личнымъ оберегомъ отъ колдовства и сглаза считается защитный въ платьѣ кусокъ отъ пораженного молніей дерева (*Melusine* 1893, 237. *Гласникъ* XXXVII, 147). Въ настоящемъ случаѣ мысль покорена не деревомъ, а силой молніи, и оберегомъ въ сущности оказывается послѣдняя.

Въ X пѣснѣ „Одиссеи“ находится уже указаніе на оберегъ траву—*моли*, корень котораго черный, а цвѣтъ бѣлизной подобенъ молоку. Въ западныхъ средневѣковыхъ пенитенціалахъ встрѣчается много общихъ указаній на травы обереги: „Si quis ligaturas fecerit per herbas“; „dum dicunt diabolica carmina super herbas“ и др. Во Франціи отъ колдовства и сглаза носили въ XVII в. на шеѣ корешки нѣкоторыхъ растеній, выкопанные 24 июня до восхода солнца, и опоясывались въ этотъ день травами (*Liebrecht*, *Des Gervasius Otia*, 231, 244). Подобное обыкновеніе и нынѣ существуетъ въ Италіи (*Trede* II 254). Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ преобладаютъ различные растительные обереги. Арабы, египтяне и въ особенности абиссинцы и сициліанцы пользуются алое, какъ оберегомъ отъ сглаза. Въ Калабріи въ Реджіо отъ колдовства и сглаза служитъ особый родъ кактуса, помѣщаемый вблизи входныхъ дверей или на балконѣ. Растеніе это называется тамъ не иначе, какъ „albero del malocchio“. Въ Индіи отъ сглаза носятъ въ тюрбанѣ лимонъ; дѣтямъ на шею надѣваютъ ожерелья изъ блестящихъ зеренъ одного растенія, причемъ потемнѣніе ихъ считають признакомъ сглаза. У персовъ отъ сглаза носятъ гвоздичныя ожерелья, а у грековъ окуриваютъ зернами гвоздики. Въ *Melusine* 1893 г. №№ 10—12 талисманы изъ травъ изложены обстоятельно въ алфавитномъ порядкѣ, и потому мы здѣсь не будемъ подробно останавливаться на нихъ.

Не можемъ не выдѣлить 2—3 травъ, пользующихся особенной популярностью въ Россіи, вообще среди славянъ, именно:

1) *Чеснокъ*—въ Великороссіи и въ Малороссіи носять отъ сглаза на шеѣ или въ карманѣ, въ Галиціи и въ Угорщинѣ вплетаютъ въ вѣнокъ невѣсты, наканунѣ дня св. Георгія (23 апрѣля) натираютъ имъ двери и порогъ (Записки Геогр. Общ. по отд. этн. 1869 II 100). У древнихъ грековъ чеснокъ оберегалъ животныхъ; у римлянъ его клали въ дѣтскую колыбель; въ средніе вѣка во всей Европѣ держали надъ дверями. И нынѣ, какъ оберегъ, чеснокъ въ большомъ ходу въ Пруссіи, во всей Германіи, въ Трансильваніи, въ Португаліи, въ Италіи, въ Греціи и Болгаріи (Melusine 1893, стр. 141, Zeitschrift d. Vereins z. Valksk. 1894 II 139, Сборникъ за народ. умотв. I 80, Tredе II 246).

2) *Полынь*—держать иногда въ карманѣ или подъ подушкой въ значеніи оберега въ Россіи, въ Германіи, жгутъ въ хлѣвахъ въ ночь подъ Рождество во Франціи. Въ Пьемонтѣ вырываютъ полынь для оберега лѣвой рукой. Какъ оберегъ по преимуществу здѣсь полынь называется *vin jeje*, т. е. *вопум шіhi* (Melusine, 1893, 238).

3) *Чернобыльникъ*—галицко-русскія дѣвушки подпоясываются чернобыльникомъ отъ сглаза и порчи (Kolberg, Рокисіе, I 202). Въ Нормандіи чернобыльникъ, собранный 24 іюня, охраняетъ коровъ. Въ Германіи въ средніе вѣка и нынѣ чернобыльникъ носятъ на шеѣ, закапываютъ подъ порогъ, опоясываются. Въ Китаѣ кладутъ въ колыбель. Сходныя повѣрья бытуютъ въ Чехіи и въ Тиролѣ (Melusine 1893, стр. 242),

4) *Чертополохъ*, какъ показываетъ самое название, идетъ въ обереги. Въ Малороссіи держать его въ домахъ отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ (Nowoselski II 145). У южныхъ славянъ чертополохъ срываютъ на зарѣ, кладутъ его на окнахъ, заборахъ, навѣшиваютъ на коровъ (Melusine, 1893, 247).

Можетъ быть въ зависимости отъ важнаго значенія травъ, какъ обереговъ, стоитъ *вѣникъ*—оберегъ. Объ обрядовомъ употребленіи вѣника на свадьбахъ см. мѣс. соч. „О свадебныхъ обрядахъ“ стр. 194. Кроме свадьбы, вѣникъ въ Германіи кладутъ подъ колыбель и на дорогѣ; въ Австріи переводятъ коровъ черезъ вѣникъ, бьютъ имъ животныхъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле. Въ Шотландіи, выводя скотъ на ярмарокъ, гонятъ его вѣникомъ отъ сглаза. Въ некоторыхъ мѣстахъ къ вѣтвямъ деревьевъ для отращенія сглаза прикрепляютъ вѣники (Melusine 1893, стр. 245).

14.

Филактеріи, лигатуры, или наузы.

Въ разрядѣ филактерій, или, по терминологіи древнихъ церковныхъ памятниковъ, равнозначущихъ съ ними *charakteres, servatoria, amuleta, bre-*

via, inscriptiones, scripturae, precationes, входяще астрологические знаки и вообще таинственные рисунки. Къ нимъ близко подходитъ „ligature“, или наузы (польск. navezy, чешск. navazy), металлическія ожерелья, кольца, серги, мѣшочки съ разными предметами, ладанки, записки съ заговорами и т. п. Я говорилъ уже о наузыахъ въ „Культурн. переживаніяхъ“ § 117; много цѣнныхъ фактовъ привелъ затѣмъ г. Зибртъ на 44—52 стр. „Seznam pover“ 1894 г. Здѣсь въ примѣч. на стр. 45—46 указана литература предмета. Къ даннымъ здѣсь указаніямъ мы могли бы кое-что добавить по нашему указателю заговоровъ, и, кромѣ того, присоединить любопытныя указанія на металлические наузы (кольца, иглы, золотыя украшения и пр.) въ „Melusine“ 1895 № 8 и 9 и на двѣ цѣнныхъ статьи проф. М. И. Соколова о змѣевикахъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1889 г. т. 243 и въ 1 вып. Трудовъ славянск. комиссіи 1895 г.

Филактеріи и наузы—тоже древность, но большею частью уже культурная. Здѣсь сохранились элементы мудрости халдейской, египетской и еврейской. Затѣмъ кое-что сюда внесла средневѣковая мистика, астрология, каббала, лапидаріи, въ средневѣковой ихъ обработкѣ. Оттого на западѣ сохранилось гораздо болѣе заклинательныхъ формулъ и астрологическихъ рисунковъ, чѣмъ въ Россіи, которая довольствовалась болѣе простыми, такъ сказать, общенародными оберегами архаического бытowego характера. И въ настоящее время у западныхъ народовъ бытуетъ много формулъ, въ родѣ филактерій, и въ сборникахъ западно-европейскихъ заговоровъ они часто встречаются; у насъ же попадаются изрѣдка и то большей частью среди низшаго духовенства и въ латинской формѣ (какъ образчикъ, см. латинскую формулу въ „Этногр. матеріалахъ“ г. Гринченка въ Черниговск. Земск. Сборникѣ 1895 г. т. I стр. 175).

Изъ славянскихъ лигатуръ отмѣтимъ здѣсь лишь любопытный амулетъ съ глаголической надписью, недавно отмѣченный въ „Архивѣ“ П. В. Яича (1894 г.). Въ статьѣ проф. М. И. Соколова о змѣевикахъ въ 1 т. „Трудовъ славянской ком.“ 1895 стр. 183 указанъ (по соч. Щлюмбергера) любопытный византійскій амулетъ отъ сглаза съ изображеніемъ глаза, съ тремя ножами сверху. Проф. Соколовъ при этомъ указываетъ на то мѣсто въ *Testamentum Salomonis*, где говорится, что виновника сглаза демона Фенофа можно обезсилить изображеніемъ глаза, испытывающаго страданія.

Сложные обереги.

Въ одномъ грузинскомъ заговорѣ изъ г. Кутаиса: „Злыхъ ангеловъ тьмы мы опутаемъ пеньковыми стѣями и закуемъ въ желѣзные кандалы.

Зловредный духъ! выходиши ли ты изъ дерева, или воды, или воздуха, приносишься ли вѣтромъ, являешься ли отъ солнца, или луны, или звѣздъ, отойди прочь, такъ какъ ты все таки злой духъ! Меня ограждаетъ крестъ. Со мной Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый. Во имя Пресвятой Троицы мы запечатаемъ злыхъ духовъ и свяжемъ ихъ словами Матея, Марка, Луки и Иоанна. Ты, Боже, сохрани и огради Твоимъ милостивымъ крестомъ двери и крышу дома (*Машурко*, въ Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII 312). Этотъ заговоръ можетъ служить хорошимъ образцомъ накопленія и смышенія разнородныхъ обереговъ. Тутъ и сѣть—оберегъ изъ отдаленной древности и въ добавокъ къ сѣти новые тюремные узы—кандалы, и затѣмъ „святыя“ слова, и крестъ. Любопытнымъ образцомъ сложнаго амулета представляется ласточкино сердце, привязанное къ шейному кресту (*Леанасьевъ*, Поэт. возр. I 455).

16.

Символические знаки.

(Пальцы, глаза, фаллосъ, ключь).

Оберегами отъ сглаза иногда служатъ символические знаки, находящіеся въ прямой зависимости отъ вещественныхъ обереговъ. Опасность сглаза постоянно грозитъ человѣку, а наиболѣе принятый въ извѣстный моментъ оберегъ можетъ не оказаться подъ руками, и потому въ ходъпускается его вѣнчшее изображеніе или символической намекъ на него. У итальянцевъ бычачій рогъ считается лучшимъ оберегомъ; но носить его съ собою неудобно, и потому носятъ маленькие рожки изъ коралловъ, слоновой кости и болѣе простаго матеріала—cornicelli, а когда никакого оберега въ нужный моментъ подъ руками не оказывается, то въ южной Италии при опасеніи сглаза прибѣгаютъ къ символическимъ знакамъ—fa il cornu, т. е. протягиваются впередъ большой палецъ и мизинецъ, или указательный палецъ и мизинецъ, подгиная остальные пальцы. Въ Греціи женщины въ такомъ случаѣ протягиваютъ всѣ пять пальцевъ правой руки и произносятъ соотвѣтствующій заговоръ (*Trede* II 252). Греческая манипуляція настолько отдалась отъ первоначального вещественнаго оригинала, что безъ посредствующаго итальянскаго комментарія остается непонятною.

У тюрковъ и мавровъ сѣверо-африканскаго прибрежья распространенная рука даже въ изображеніи своемъ считается защитой отъ дурнаго глаза. Любопытно, что этотъ обычай перешелъ даже въ словесную форму предохранительного отъ сглаза заговора, именно говорятъ: „пусть пять (рука) падутъ на ваши глаза!“ (*Пешель*, Народовѣдѣніе, 109).

Фаллическій элементъ обнаруживается въ оберегахъ лишь на классической почвѣ. По словамъ Плинія, въ садахъ роль талисмана играли изо-

браженія Пріапа (*Trede*, II 249). Изображеніе фаллоса, какъ оберега отъ сглаза, встрѣчается и у современныхъ грековъ (*Zeitschrift d. Vereins für Volkskunde* 1894 II 139)—любопытный обрывокъ классической старины. Можетъ быть, въ связи съ древними фаллическими культурами стоитъ французскій оберегъ XVII вѣка отъ сглаза съ видѣемъ обливанія по утрамъ руки своей мочой (*Liebrecht*, Des Gervasius Otia Imperialia 100). Повидимому, фаллическое значеніе имѣетъ современный итальянскій оберегъ отъ сглаза въ видѣ ключика (*Trede* II 253).

Особенно характерны тѣ случаи, когда злому глазу противополагается изображеніе глазъ. На древнихъ греческихъ росписныхъ вазахъ два глаза, нарисованные надъ щитами героевъ, должны были отвращать дурной глазъ отъ пьющихъ изъ чаши. Такіе глаза часто украшаютъ верхнюю часть шеи родосскихъ сосудовъ (*Павлукій*, Греческ. росписные вазы, 71). Тутъ кстати будетъ вспомнить обычную характеристику сабли въ сербскомъ эпосѣ „сабля са очима“. Византійскій амулетъ съ страдающимъ глазомъ относится къ этой категоріи обереговъ.

Кромѣ разобранныхъ и сгруппированныхъ обереговъ существуетъ множество частныхъ, такъ или иначе примыкающихъ къ выше приведеннымъ по психологическому мотиву. Такъ, въ Италии отъ сглаза носятъ на шеѣ въ ладанкѣ клешни рака, мѣдное изображеніе полумѣсяца (остатокъ культа Изиды), стрѣлки, въ Греціи кольцо, въ Россіи, во Франціи жабы косточки и камешки. У негровъ, вообще очень расположенныхъ къ амулетамъ, оберегами бывають львиный волосъ, палочки (*Reville, Les religions* I 70, 152, 178, 186, 189; *Trede* II 253; *Rolland, Faune populaire* III, 51, 52, 53). Амулеты этого рода отличаются подвижностью и служатъ разнымъ цѣлямъ, но большей частью имѣютъ значеніе оберега отъ колдовства и сглаза.

17..

Передача сглаза.

Въ Россіи и въ Западной Европѣ боятся брать предметы, лежащіе на перекресткахъ, считая ихъ заколдованными. Съ ними можетъ перейти болѣзнь. Болѣзнь въ древности переносили заговоромъ на палку, камень, тряпку, и клали заговоренный предметъ на дорогѣ. Иногда эта форма оберега принимала характеръ жертвоприношенія и навожденія болѣзни. Такъ, въ Индіи старуха наливаетъ въ чашу молока, кладетъ въ нее пищу, и, обведши чашей 7 разъ вокругъ головы больного, выливаетъ на перекрестокъ 4 дорогъ, или въ такомъ случаѣ кладутъ на распутье монету, кусокъ одежды (*Melusine* 1893, 58).

Интересны практикуемые у разныхъ народовъ пріемы передачи сглаза животнымъ и растеніямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Германіи, въ Индіи, кладутъ больного отъ сглаза и переводятъ черезъ него собаку, или кладутъ подъ голову больного хлѣбъ и потомъ даютъ его собакѣ (*Melusine* 1893, 84). Къ этимъ обычаямъ примыкаетъ старый русскій обычай переводить черезъ больного ручного медвѣдя. Къ этому же циклу повѣрій и обрядовъ нужно отнести странный способъ лѣченія больныхъ дѣтей черезъ протягиваніе ихъ черезъ дупло дерева, о чёмъ въ фольклорѣ есть специальная монографія извѣстнаго французскаго ученаго Гедоза. (*La vieux rite medicale*, 1893, 84 стр.).

Важное значеніе въ чародѣйствѣ текучей воды, по моему мнѣнію, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, обусловлено мыслью о томъ, что вода уноситъ сглазъ съ брошенными въ нее предметами.

Глубокая древность, первобытно дикая съ одной стороны и культурная съ другой, завѣщала такую громадную массу разныхъ обереговъ, соблазняющихъ до, нынѣ простаго человѣка своей доступностью, что понадобится много образовательныхъ усилій, чтобы расчистить народное міросозерцаніе отъ многовѣковой ветоши и проложить путь для здоровой рациональной жизни подъ покровомъ все болѣе усиливающейся науки.
